

УДК 371.21

МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ТЮРЕМНЫХ НАДЗИРАТЕЛЬНИЦ КАК ПЕРВОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ ПО ПОДГОТОВКЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПЕРСОНАЛА В РОССИИ

© 2015

Д.В. Волошин, кандидат педагогических наук, докторант

Институт развития образовательных систем Российской академии образования, Томск (Россия)

Аннотация. Тема становления и развития образовательных систем, в частности систем профессиональной подготовки, является в современной историко-педагогической литературе одной из наиболее актуализированных. Самостоятельный статус в таких исследованиях занимает история ведомственного образования и профессиональной подготовки кадров. Длительное время пенитенциарная проблематика в нашем Отечестве, включая её историческое наследие, являлась темой «закрытой», относящейся к государственной тайне и оттого редко рассматриваемой исследователями. Материалы научной статьи образуют содержательную основу курсов теории и истории подготовки пенитенциарного персонала в генезисе пенитенциарного образования на различных исторических этапах профессиональной подготовки. При изучении формирования отечественной системы подготовки пенитенциарного персонала важно учитывать образовательные традиции второй половины XIX – начала XX вв. Московская школа тюремных надзирательниц создавалась по общинному образовательному принципу, предусматривающему взаимосвязь государственного и общественного включения в образовательный процесс. На ведущее место выдвигалось становление профессионализма, формирование и развитие профессиональной компетентности пенитенциарного персонала через сочетание теоретической подготовки со сдачей экзаменов и трудовой деятельности по практическому применению полученных знаний, умений и навыков в пенитенциарных учреждениях. Несмотря на незначительное количество подготовленных специалистов, Московская школа тюремных надзирательниц (1899 – 1910 гг.) может по праву считаться первым образовательным учреждением отечественного пенитенциарного ведомства.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, история образования, пенитенциарный персонал, Московская школа тюремных надзирательниц, общинный образовательный принцип, профессиональная компетентность, Главное тюремное управление.

Обновление и преобразование педагогического процесса профессиональной подготовки пенитенциарного персонала в России на современном этапе заставило обратиться к изучению организационно-педагогического опыта его подготовки, а также выявить особенности и проблемы преемственного сохранения и развития образовательных традиций, которые преобразуются в различных исторических условиях.

Постановка вопроса о том, какой опыт накоплен до сегодняшнего дня, на какие теоретические или практические достижения можно опереться при совершенствовании системы подготовки отечественного пенитенциарного персонала на современном этапе, является открытым и актуальным. Именно через освоение опыта предыдущих поколений, познание целей и задач, стоявших и разрешаемых в прошлом, происходит единение и сопричастность с историей и судьбой своего народа и государства.

Флагманом – инициатором в нелегком и ответственном деле создания в России учебного заведения для подготовки пенитенциарного персонала выступил Московский дамский благотворительно-тюремный комитет (далее – Комитет). В 1898 году в связи с реформами мест заключения, изменением их предназначения с карательных на исправительные, он «задался мыслью основать школу», осуществлявшую подготовку служащих женского пола для женских тюрем, исправительных колоний и тюремных больниц, которые не только «умело исполняли бы свои служебные обязанности», но и благодаря специальной подготовке в школе «по своему умственному и нравственному развитию могли воздействовать на заключенных, в смысле их исправления, относясь внимательно и участливо к их положению» [1, с. 947].

Анализ социально-педагогической научной литературы и историко-публицистических публикаций позволяет предположить, что идея создания школы по подготовке именно женщин – тюремных надзирательниц, а не надзирателей (которых в тюремном ведомстве было несравнимо больше и уровень их грамотности на 1897 год был в 2,3 раза выше, чем среди женщин [2, с. 19 – 90]) была обусловлена следующими предпосылками: более низким, в сравнении с мужчинами, социально-правовым и образовательным положением женщин в Российской империи и желанием Комитета изменить сложившуюся ситуацию; вступлением России в эпоху промышленного роста и капиталистических отношений, вызванным

реформами, связанными с отменой крепостного права и вынуждавшими женщин получать специальные знания в основном из практических соображений, а также желанием быть полезной обществу и государству; жадной новых знаний и возможностью отстаивать свои права на образование и труд; возможностью решения «женского вопроса» конца XIX в. – самостоятельным трудом зарабатывать на жизнь – самым надёжным способом – путём получения специальных профессиональных познаний, ведь общее образование уже не могло обеспечить женщине той самостоятельности, к которой она стремилась. Также не стоит забывать, что данное образовательное учреждение создавалось женской (дамской) благотворительной организацией, а возникший в XVIII веке феминизм (или эмансипация) как движение за равноправие с мужчинами наверняка уже успел «пустить свои ростки» и в России!

Именно в это время женщины всё больше стремились попробовать свои силы в различных сферах общественной жизни, выступая учредителями различных общественных и благотворительных структур. Последнее направление было одним из наиболее востребованных и наиболее близким к проблемам помощи нуждающимся, инвалидам, детям и, конечно, женщинам.

Это было время, когда тюремные надзирательницы приравнивались в служебных правах с надзирателями – мужчинами (за исключением права награждения медалями). Одинаковыми стали также их служебные обязанности и правила приема на службу [3, с. 158 – 159]. Еще в 1887 году Законом от 13 июня в управление тюрьмами на местах, кроме начальников тюрем и их помощников введены должности помощниц или смотрительниц женских отделений. Этот закон «ввел в тюремную стражу тюремных надзирательниц для надзора за содержащимися лицами женского пола» [4, с. 16].

При изучении формирования отечественной системы подготовки пенитенциарного персонала для тюремного ведомства, важно учитывать образовательные традиции второй половины XIX – начала XX вв.

Московская школа тюремных надзирательниц создавалась по общинному образовательному принципу, характерному для России рассматриваемого периода, когда образование в империи конца XIX – начала XX веков перешло на новую стадию развития, именуемую 1 Напр., Д.И. Писарев, Н.А. Вышеградский, К.Д. Ушинский, А.П. Философов как и многие прогрессивные люди того времени, начало женской эмансипации видели именно в повышении уровня общей образованности женщин.

этапом «общественной педагогики», где при сохранении государственного влияния общество все активнее включалось в образовательные процессы.

О назревшей необходимости подготовки качественно нового профессионального пенитенциарного персонала можно судить и по тому факту, что инициатива Московского дамского благотворительно-тюремного комитета об открытии в Москве при этой общественной организации школы тюремных надзирательниц была поддержана Правительством империи. 16 мая 1898 года Министром юстиции был утверждён Устав, выработанный Правлением Комитета [5, с. 259 – 263].

Этот во многом инновационный для отечественного пенитенциарного ведомства документ содержал ряд педагогических новшеств, используемых до настоящего времени. Так, Уставом было определено, что обучение учениц подразделялось на 2 части – теоретическую, длительностью первые 6 месяцев и последующую годичную практическую – при Московских местах заключения, специально для того указанных Московским губернским тюремным инспектором. В ученицы школы первоначально принимались (затем ценз был сдвинут в сторону снижения предельного возраста) только «девицы и одинокие вдовы» христианского вероисповедания, 25 – 40 лет, умеющие читать и писать, и подавшие прошение на имя попечительницы с приложением «вида на жительство и медицинского свидетельства» [5, с. 261].

Социальный и государственный заказ на образование, возможности (уровень развития) учениц и имеющиеся реальные ресурсы явились важным фактором создания первого учебного заведения по подготовке отечественного пенитенциарного персонала.

Приём учениц полностью зависел от усмотрения попечительницы школы, которая разрешала обучение или отказывала в приёме на основании пригодности просительницы «для тюремной службы» и собранных сведений о её личности. Таким императивным образом осуществлялся не столько кадровый, сколько профессионально-психологический отбор кандидатов, показавший свою действенность на протяжении многих десятилетий и нашедший своё воплощение в современной психофизиологической диагностике кандидатов на обучение.

История педагогики и образования показывает, что особенности содержания образовательной программы формируются под воздействием определённых педагогических, юридических, социальных и иных условий, в которых происходит её реализация.

Программа теоретической подготовки «вырабатывалась» Комитетом, но утверждалась Главным тюремным управлением (далее – ГТУ), выступавшим в данном случае и в качестве заказчика всего обучения, и в виде возможного работодателя, продемонстрировав на деле органическую и взаимовыгодную связь государства и общественной организации.

31 июля 1898 года начальник Главного тюремного управления утвердил программу «преподавания», состоявшую в изучении Закона Божьего, Русского языка, географии России, Русской истории, законоведения, тюремоведения и медицинского ухода за больными.

Образовательная программа «была намечена только в общих чертах, не предвещая точного объёма преподаваемых предметов», что предполагалось сделать «впоследствии, путём опыта, сообразуясь со степенью развития и подготовки учениц». Тогда же были определены «руководящие принципы» обучения: сообщение сведений служебного характера, необходимых в будущей профессиональной деятельности учениц, их «нравственное и умственное развитие», а также объединение всей системы преподавания в школе в «один общий узел», группирующийся вокруг одной цели, положенной «во главу угла», с введением междисциплинарных связей, «чтобы уроки по каждому предмету находились в тесной связи с уроками по другим предметам» [1, с. 947 – 948]. К основным видам учебных занятий относили

беседы, письменные работы, классное чтение, практическую деятельность по рукоделию [1, с. 948].

Именно характер целей, содержания и организационно-педагогических условий отражают ту педагогическую модель обучения, которая определяется Уставом школы.

Согласно Уставу школы, «по окончании практических занятий», т. е. через полтора года обучения, ученицы выдерживали испытание «в знании преподаваемых в школе предметов и практической тюремной службы». Однако на практике, уже с первого набора, ученицы выдерживали экзамен по истечении 6 – 7 месяцев теоретического учебного курса и до практической службы, длившейся полгода [1, с. 948, 950].

Эта разновидность экзамена познавательна для нас тем, что для его приема в специальную комиссию, «состоящую под председательством председательницы» Комитета и попечительницы школы, входили только должностные лица управлений Московских мест заключения во главе с Московским губернским тюремным инспектором [5, с. 260]. Таким образом, в испытательной (экзаменационной) комиссии не были представлены преподаватели школы, что, возможно, делало «испытания» практико-ориентированными и более приближенными к условиям предстоящей трудовой деятельности, чем к выявлению полученных теоретических знаний посредством общения с преподавателем.

Как видим, на ведущее место выдвигалось становление профессионализма, формирование и развитие профессиональной компетентности пенитенциарного персонала через сочетание теоретической подготовки со сдачей экзаменов и деятельности по практическому применению полученных знаний, умений и навыков в пенитенциарных учреждениях (аналог современной стажировки).

Также Уставом предусматривалась выдача ученицам, «выдержавшим успешно испытание в комиссии», свидетельства об окончании школы и жетона, установленного Комитетом [5, с. 262].

Изученные архивные материалы содержат свидетельства того, что непосредственный приём учениц начался в декабре 1898 года и продолжался до середины февраля 1899 года [6, с. 88]. Однако проходил он «довольно туго, это объясняется тем, что дело было новое», а тюремная служба «тяжелая и ответственная, обуславливалась обязательством прослужить не менее 2 лет» после окончания школы и назначения на должность в тюремном ведомстве [1, с. 949].

Официальное открытие школы состоялось 8 апреля 1899 года² [6, с. 88] в Москве в присутствии сестры императрицы – великой княгини Елизаветы Федоровны, Московского губернатора и Московского губернского тюремного инспектора, членов Правления Комитета и попечительницы школы, педагогического персонала и «начального состава учащихся» [6, с. 88].

Возьмёмся за смелость считать в качестве первого учебного заведения по подготовке пенитенциарного персонала в России именно эту школу тюремных надзирательниц. Аналогичного мнения придерживалось и Главное тюремное управление, отмечая на страницах своего официального органа – журнала «Тюремный вестник», что, например, в Царскосельскую тюрьму «назначена надзирательница, получившая специальную подготовку в особой, первой в России, школе для тюремных надзирательниц» [7] или например, что «школа тюремных надзирательниц в Москве является пока первой и единственной» [6, с. 94].

Первый набор состоял из 6 учениц, а первые испытания «в знании преподаваемых предметов», которые все ученицы успешно выдержали, прошли 21 февраля 1901 года [1, с. 949].

Интересен социальный состав учениц. Так, напри-

² Однако в ряде исследованных документов встречается другое время открытия – март 1899 г. См.: [1, с. 949].

мер, выпуск 1905 года насчитывал также 6 учениц от 25 до 31 года. Из них: из духовного сословия – 3, из мещан – 2, из дворян – 1 человек [8]. Хотелось бы отметить, что в каждый учебный год «контингент учениц набирался приблизительно из одних и тех же общественных слоев»: сельского духовенства, мещан, крестьян, «реже поступали дочери канцелярских служителей или мелких чиновников» [1, с. 953]. Школу закончили и несколько дворянок [8; 9, с. 253].

Выпускницы устраивались на службу не только надзирательницами, но и в качестве сестер милосердия при тюремных больницах [8]. Однако «уже с первых шагов» тюремной службы им «приходилось нередко сталкиваться с недоброжелательством прежних служащих», которые видели в выпускницах школы «опасных конкуренток» и опасались, что «старых надзирательниц будут увольнять, чтобы очистить место школьным». Были случаи, когда и тюремное начальство относилось к выпускницам более требовательно, чем к другим. Так «Тюремный вестник» в 1911 году писал: «Ненормально было и то, что школьные ученицы, более развитые и получившие специальную подготовку к своему делу, принимались на службу с тем же окладом, который получали лица не подготовленные, взятые без надлежащего выбора и часто почти неграмотные» [1, с. 955].

Необходимо понимать, что финансовые возможности Комитета были не безграничны, а полностью зависели от благотворительных взносов. На содержание школы тюремных надзирательниц только в первые годы Комитетом было затрачено 18 тысяч рублей, вследствие чего в 1903 году он был вынужден просить государственной помощи [10, с. 294].

1 декабря 1903 года Николай II «Высочайше утвердить соизволили и повелели исполнить» решение Государственного Совета о выделении из государственного казначейства за счет ассигнований «Министерства юстиции по тюремной части ... по три тысячи рублей ежегодно в пособие ... на содержание школы тюремных надзирательниц» [11]. В этом мы видим не только желание помочь общественной организации, состоящей под «Высочайшим покровительством» [11], но и реальное признание заслуг Комитета и, непосредственно, школы тюремных надзирательниц в подготовке «умелых и знающих надзирательниц для женских тюрем России» [12, с. 96], отмечая безусловную необходимость и полезность результатов, достигнутых школой [10, с. 295].

Однако даже государственная поддержка и Высочайшее покровительство не спасли школу тюремных надзирательниц от прекращения образовательной деятельности и фактического закрытия. 8 мая 1910 года «собрание членов Комитета постановило к 1 января 1911 года закрыть школу» по обстоятельствам прекращения государственного субсидирования, а также в виду того, что «получив в школе известный образовательный ценз и большое развитие, ученицы не получали на службе никаких, хотя бы маленьких преимуществ, против надзирательниц, поступивших извне». 17 мая 1910 года «был произведен ... экзамен последнему выпуску семи учениц» [1, с. 956].

Проведённый историко-логический анализ архивных документов, трудов отечественных педагогов и пенитенциариев, публицистики и периодики исследуемого периода позволил определить основные педагогические идеи и направления в деятельности этого учебного заведения.

1. Необходимость развития женского профессионального образования, повышения социально-правового и образовательного статуса женщины в России, чем достигался принцип равенства мужчин и женщин в праве

на образование.

2. Органическая взаимосвязь теоретической подготовки в классе и практического обучения на местах предстоящей трудовой деятельности.

3. Отсутствие сословного принципа при формировании контингента обучающихся.

4. Конкурентоспособность подготавливаемых кадров, высокая степень их профессиональной компетентности.

5. Значительность роли частной инициативы как обществ (некоммерческих общественных организаций), так и отдельных лиц в деле создания первого учебного заведения по подготовке пенитенциарного персонала в России.

6. Объективная необходимость участия государства, заинтересованного в связи с изменением своей пенитенциарной политики, в процессе подготовки компетентного пенитенциарного персонала, в качестве законодателя, заказчика обучения и его основного финансиста.

По нашему мнению, именно данная Московская школа тюремных надзирательниц, хоть и подготовила за 11 лет своего существования лишь 58 надзирательниц [1, с. 954], по праву может считаться родоначальником сложившейся впоследствии отечественной системы подготовки пенитенциарного персонала, а её короткая, но драматическая история служит примером отношения к ответственному социально полезному государственному делу, органической взаимосвязи государства и общественной организации. Образовательные зёрна, заложенные в конце XIX века Московской школой тюремных надзирательниц в благородную почву российской общественно-политической действительности, выстроились через десятилетия, революции и Мировые войны в стройную и полновесную систему образовательных учреждений Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Школа тюремных надзирательниц в Москве (1899–1910) // Тюремный вестник. 1911. № 8-9. С. 947–957.
2. Общий свод по Империи. Т. 1. СПб.: Изд-во ЦСК МВД, 1900. 250 с.
3. Почтовый ящик. Вопрос № 10 // Тюремный вестник. 1905. № 2. С. 158–159.
4. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М.: Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. 376 с.
5. Устав Школы тюремных надзирательниц при Московском дамском благотворительно – тюремном комитете // Тюремный вестник. 1898. № 6. С. 259–263.
6. Московская школа тюремных надзирательниц (по Отчёту Московского дамского благотворительно – тюремного комитета) // Тюремный вестник. 1902. № 2. С. 88–95.
7. Новая Царскосельская тюрьма // Тюремный вестник. 1904. № 3. С. 213.
8. Выпуск из Московской школы тюремных надзирательниц // Тюремный вестник. 1905. № 3. С. 182.
9. Московская школа тюремных надзирательниц // Тюремный вестник. 1906. № 4. С. 252–253.
10. О продлении отпуска пособия Московскому дамскому благотворительно – тюремному комитету на содержание школы тюремных надзирательниц // Тюремный вестник. 1909. № 3. С. 294–295.
11. О назначении Московскому дамскому благотворительно – тюремному комитету пособия на содержание школы тюремных надзирательниц // Тюремный вестник. 1904. № 1. С. 4.
12. Школа тюремных надзирательниц в Москве // Тюремный вестник. 1908. № 1. С. 96–97.

MOSCOW SCHOOL OF PRISON KEEPERS AS THE FIRST EDUCATIONAL INSTITUTION FOR TRAINING OF PENITENTIARY STAFF IN RUSSIA

© 2015

D.V. Voloshin, candidate of pedagogical sciences, doctoral candidate
Institute of Educational Systems Development of Russian Academy of Education, Tomsk (Russia)

Abstract. The topic of foundation and development of educational systems and the systems of professional training in particular is one of the most actual in modern historical pedagogical literature. The histories of departmental education and professional staff training have its own independent status in such research. For a long time penitentiary problematic in our motherland, including its historical legacy had been a "closed" topic, concerning the National Security Information, and, therefore, had rarely been researched. Materials of the scientific article from the substantial basis of the theory and history of preparing penitentiary staff courses, in the genesis of penitentiary education, on different historical steps of professional training. While researching the national system of penitentiary staff training, it is necessary to concern the educational traditions of the second half of XIX – the beginning of XX c.c. The Moscow school of prison keepers was founded by communal educational principle, providing interrelation of government and social involving into the educational process. The most important point was the foundation of professional competence of penitentiary staff by combining theoretical training with passing the examinations and work experience on practical appliance of the received knowledge and skills in penitentiary institutions. In spite of insignificant quantity of unskilled specialists, the Moscow school of prison keepers (1899 – 1910) may be rightfully regarded as the first educational institution of the national penitentiary department.

Keywords: professional training, history of education, penitentiary staff, the Moscow school of prison keepers, communal educational principle, professional competence, the Main prison office.

УДК 37.062.3

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2015

К.А. Адыширин-Заде, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Медицинская и биологическая физика»
Самарский государственный медицинский университет, Самара (Россия)
В.В. Галанин, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры
«Естественнонаучные дисциплины»
Медицинский университет «РЕАВИЗ», Самара (Россия)

Аннотация. В работе рассматриваются основные психолого-педагогические условия формирования готовности будущих врачей к профессиональной деятельности.

Ключевые слова: медицинское образование, формирование профессиональной готовности, мотивация обучения.

Введение. Целью медицинского образования в настоящий момент является формирование специалистов, готовых к самостоятельной врачебной практике в условиях современного уровня материально-технической оснащённости здравоохранения [1]. Приоритетом становится приобретение студентами-медиками прочных знаний, умений и навыков, опыта самостоятельного решения проблем в нестандартных ситуациях. Врач должен быть готов к самостоятельной деятельности с первых дней работы. В связи с этим современные условия требуют не просто подготовки врача, а специалиста-профессионала, обладающего важными профессиональными качествами, позволяющими генерировать плодотворные идеи и обеспечивающими положительные результаты [1]. Среди этих качеств можно выделить высокий уровень профессионально-этической, коммуникативной, рефлексивной культуры, способность к формированию и развитию личностных креативных качеств, знания в области формирования и функционирования психических процессов, состояний и свойств личности, умения в плане познания других людей и самопознания, творческого совершенствования человека; знание основ здоровья, здорового образа жизни, владение основами проектирования и моделирования, применения современного оборудования в медицинской практике, умение прогнозировать результаты собственной деятельности. Для достижения поставленной цели при организации учебного процесса необходимо учитывать психолого-педагогические условия, которые способствуют формированию готовности будущих врачей к профессиональной деятельности.

Мотивация в профессиональной деятельности. Одним из важнейших условий готовности будущих врачей, на наш взгляд, является мотивация в профессиональной деятельности. Мотивы – самые различные явления и состояния, вызывающие активность субъекта

[2, с. 100]. Мотивы – то, что в отражаемой человеком реальности побуждает и направляет его деятельность. В них конкретизируются, опредмечиваются потребности, которые не только определяют собой мотивы, но, в свою очередь, изменяются и обогащаются вместе с изменением и обогащением круга объектов, служащих их удовлетворению. В роли мотивов могут выступать цели, интересы, установки, идеалы, стимулы и т. д.

Мотив – это интегральный, целостный способ организации активности человека, который объединяет когнитивные, потребностные и регулятивно-исполнительские функции [3]. Мотивация, как стержень личности, должна являться не суммой отдельных мотивов, а направляющей и организующей целостной системой. В нашем исследовании мотивы – удовлетворение социальных и личностных потребностей в процессе обучения студентов-медиков.

Мотивация связана с созданием условий, способствующих преодолению внутренних барьеров, перестройке сознания, психологической готовности к овладению новыми знаниями. Это достигается за счет формирования установки, интереса, сильной мотивации, повышенной активности студентов при овладении современными средствами профессиональной деятельности. Потребность будущих врачей заниматься самообразованием, следить за новыми достижениями в области медицины должна приносить удовлетворение.

Разработка структуры занятия. Проведение теоретических и практических занятий требует от преподавателя высшей медицинской школы тщательной подготовки. Опираясь на дидактические, психологические, гигиенические требования к занятию, педагог создает программу управления деятельностью студентов, т. е. проектирует его.

При проектировании содержательного наполнения занятия следует определить: что необходимо рассказать